

Кое-что об отношении в Персии к С.М. Шапшалу

АЛЕКСАНДР А. БАБАДЖАН

ORCID: 0000-0002-1115-6460

Газзан г. Симферополь
Независимый исследователь

Remarks on the attitude toward S.M. Shapshal in Persia

SUMMARY: The article examines the charges brought against S.M. Shapshal for his activities during his stay in Persia. It is shown that their basis is Russian libelous articles consisting of unsubstantiated accusations with lack of awareness of the authors and unreliable evidence of the period of the information struggle of England and her henchmen in Persia and Russia against the Shah and the influence of Russia in Persia. The distribution of false information is shown by the example of the publication of M. Kizilov “The Sons of Script” and D. Shapira. The facts of the real attitude of the government of Persia after the overthrow of Mohammed Ali Shah to S.M. Shapshal are given, confirmed by documents stored in the fund of S.M. Shapshal F143 in the Library of the Academy of Sciences of Lithuania.

KEYWORDS: S.M. Shapshal, Karaites, Persia 1905–1911, Iran 1905–1911, Mohammed Ali Shah, M. Kizilov, D. Shapira, K.N. Smirnov

1. С.М. Шапшал сам о себе

Одним из самых малоизученных периодов жизни и деятельности С.М. Шапшала является период его пребывания в Персии. Но используя многочисленные черновики и копии автобиографий С.М. Шапшала, хранящиеся в его архиве в фонде 143 в Библиотеке АН Литвы им. Врублевских (далее БЛАН Ф. 143), можно получить материал, уточняющий некоторые детали этого периода. Эти черновики автобиографий были написаны в разное время, для разных организаций и в разных государствах: Турции, Польше, Литве, Литовской ССР. В этих черновиках есть некоторые расхождения и отличия в датах, одни — более подробные, другие — более краткие, опускающие часть событий, но основные события биографии упомянуты. Далее будут цитироваться отрывки из этих черновиков, касающиеся периода пребывания в Персии.

По окончании гимназии вступил в Петербургский Университет, где изучал ориенталистику и восточные языки: гебрайский, арабский, персидский, турецкий, а также и отдельные тюркские наречия. Окончив курс наук в 1899 г. был оставлен при Университете, сроком на 3 года, для подготовки к профессорскому званию, но предварительно выехал в Крым для отбывания обязательной военной повинности в течении одного года¹.

По тогдашним законам, я должен был отбыть военную повинность, с каковой целью я и выехал в Крым, где поступил вольноопределяющимся в 212 Бахчисарайский Резервный Батальон, квартировавший в г. Симферополе. Через год я был уволен в запас со званием младшего унтер-офицера. Когда я вернулся в Петербург, в Университет, осенью 1900 года мне предложили для изучения на месте турецкого (азербайджанского) наречия поехать в Иран в г. Тебриз, воспользовавшись тем, что кстати тогда Иранское правительство, через свое посольство приглашало преподавателя русского языка

---

1 Черновик автобиографии С.М. Шапшала, БЛАН Ф. 143 д. 34, л. 8–9.

и общеобразовательных предметов. Приехав в Тебриз, я стал преподавать русский язык в местном училище Локмание. [...] Пребывание мое по контракту в Тебризе, а затем и в Тегеране длилось от 1901 до 1908 года². (Персия в 1935 году официально переименована в Иран.)

В черновике, написанном во время пребывания в Константинополе (1919–1928), написано более правильно о цели поездки в Персию, чем в черновике советского времени:

В 1900 году Персидское Правительство обратилось через своего Посла в Петербургский Университет с ходатайством рекомендовать кого-либо из числа молодых ученых для отправки в Персию в качестве преподавателя к тогдашнему Наследнику Престола — Мухамеду-Али. Выбор Университета пал на С.М. Шапшала. [...] Преподавал его Высочеству (1900–1906 г.г.) русский язык и европейские общеобразовательные предметы и читал краткий курс государственного и международного права. По вступлении Наследного Принца на Шахский Престол, оставался при Его Величестве в качестве секретаря-драгомана и руководителя по воспитанию принцев крови³.

В данном отрывке неверно указан год начала преподавания — 1900 г., фактическая дата приезда С.М. Шапшала — начало 1901 года. Уточнения находим в польском варианте автобиографии: «я в январе [...] уехал в Персию, пробыв там до 1908 года»⁴. В этой автобиографии находится обоснование преподавания права: «В 1894 году поступил в Петербургский университет на факультет восточных языков, одновременно посещая лекции юридического права»⁵.

2. Историческая обстановка в Персии

В начале 1901 года С.М. Шапшал прибыл в Тебриз и после сдачи экзамена, устроенного ему местными чиновниками, заключив годовой

2 Черновик автобиографии С.М. Шапшала, БЛАН Ф. 143 д. 34, л. 8–9.

3 Черновик автобиографии С.М. Шапшала, БЛАН Ф. 143 д. 938, л. 3, 6.

4 Черновик автобиографии С.М. Шапшала, БЛАН Ф. 143 д. 25, л. 1.

5 Черновик автобиографии С.М. Шапшала, БЛАН Ф. 143 д. 25, л. 1.

контракт, приступил к исполнению своих обязанностей. Он также начал преподавать в школе Лукмани русский язык и общеобразовательные предметы⁶. В 1904 году С.М. Шапшал в интервью журналисту говорил, что состоит при наследнике как переводчик и учитель русского языка (К...г, 1904). После восшествия Мохаммеда Али на шахский трон, С.М. Шапшал переезжает в Тегеран. В начале июля 1908 года С.М. Шапшал возвращается в Петербург и с 1909 года занимает в университете должность штатного лектора турецко-османского языка. Осенью 1909 года в Одессу приехал свергнутый шах, и С.М. Шапшал ездил к нему по его просьбе о встрече, с разрешения руководства МИД, в котором с 1909 г. работал драгоманом⁷. Часть времени пребывания С.М. Шапшала в Персии пришлось на начавшуюся там революцию (1905–1911). Под давлением аристократии, духовенства и интеллигенции шах Музаффер-Эддин создает Меджлис и принимает конституцию в октябре 1906 г., с ограничениями власти шаха. После смерти отца шахом становится Мохаммед Али. Уверившись в своей силе, оппозиция продолжала борьбу против власти шаха. 15 февраля 1908 г. в карету шаха была брошена бомба, но шах не пострадал. 24 июня 1908 года Мохаммед Али с помощью Персидской казачьей бригады разогнал Меджлис. Начались восстания в провинциях против власти шаха и 16 июля 1909 г., после захвата Тегерана восставшими, Мохаммед Али был низложен, а власть передана его 11-летнему сыну Ахмаду. Кроме разорительной политики шахов, за этими событиями стояло противостояние России, поддерживающей шахскую власть и политики Англии, поддерживающей оппозицию. В то время Англия пыталась полностью подчинить Персию своему влиянию, ослабив влияние России. Как пишет М.С. Иванов:

Англия, также, как и царская Россия, была за сохранение монархии и каджарской династии в Иране и всячески способствовала осуществлению этой задачи. Она только была бы не прочь заменить

---

6 Черновики автобиографии С.М. Шапшала, БЛАН Ф. 143 д. 25, л. 1, 6–8; д. 34, л. 8–9.

7 Черновики автобиографии С.М. Шапшала, БЛАН Ф. 143 д. 25, л. 1; д. 34, л. 8–9.

Мохаммед-Али шаха на троне каким-либо своим агентом, который целиком и полностью зависел бы от нее и был бы пешкой в руках английских представителей. С этим были связаны и интриги старого английского агента Зилл-эс-Султана и его попытки использовать народное движение против Мохаммед-Али шаха. [...] англичане снова пытались использовать и другого каджарского принца, тоже яркого реакционера, брата шаха, Салар-эд-Доуле. В начале 1908 года они «заслали к Салар-эд-Доуле агента с предложением дать ему 2 000 000 туманов, если он предпримет опять что-нибудь для свержения шаха с престола». (АВПР, ф. перс. ст., д. 3817, л. 148) (Ivanov, 1957, с. 282).

Что и было достигнуто 16 июля 1909 г., когда Мохаммеда Али на престоле заменили его сыном. Одной из целей этой политики была нефть.

Как впоследствии с удовольствием отметил У. Черчилль, доходов от персидских нефтяных богатств оказалось достаточно, чтобы не только обеспечить потребности огромного британского флота, но и для строительства кораблей в таком количестве, чтобы сохранить статус «владычицы морей», причем «без единого пенни, полученного от налогоплательщиков (Kazem-Zade, 2004; Samsonov, 2013).

Была еще одна сила, которая активно участвовала в событиях того времени, из-за чего период 1905–1911 называют «Персидской революцией», а период 1908–1910 — «Гражданской войной». З. Мамедова пишет:

С октября 1904 года в Баку начала свою деятельность первая в мусульманском мире социал-демократическая организация «Гуммет» («Энергия»), которая осуществляла свою деятельность при Бакинском комитете РСДРП. ... Деятельность «Гуммет» приобрела большой размах и популярность с начавшейся в 1905 году в Иране революции. [...]

Выступавший на IV съезде РСДРП в качестве представителя от «Гуммет» А.Б. Юсиф-заде заявил: «Наша организация посылала в Иран и литературу, и пропагандистов, и добровольцев. Первыми

пропагандистами революционных идей и социализма в Иране были члены нашей организации».

С 1906 года «Муджахид» и «Гуммет» стали направлять в Иран агитаторов для ведения пропаганды среди местного населения и прежде всего среди азербайджанцев. Вскоре помощь стала более конкретной: стали прибывать вооруженные добровольцы, принимавшие участие в боевых действиях. Эта помощь стала прибывать еще больше в связи с Тебризским восстанием 1908 года. [...]

Число добровольцев из Южного Кавказа, большинство из которых составляли азербайджанцы, достигало 800 человек, из них 50 человек героически погибли при обороне Тебриза.

После подавления Тебризского восстания новый революционный очаг возник в январе 1909 года в городе Реште. Сюда прибыли гумметисты М.Б. Ахундов, Б. Касумов, М. Талыбов и др. В Реште временно установилась революционная власть, и комендантом города стал М.Г. Талыбов, а хранителем оружия — Багадур Касумов. Сюда же прибыл Г. Орджоникидзе (Mamedova, 2022).

3. Клевета на С.М. Шапшала

Вот в такой исторической обстановке проходила служба С.М. Шапшала в Персии. И этот период активно используется для клеветы на С.М. Шапшала, для этого привлекаются газетные статьи тех времен, забывая о информационном противостоянии Англии деятельности России в Персии. Выступать против деятельности представителя России они не решались, поэтому использовали С.М. Шапшала для борьбы против российского влияния. Уже в 1904 году в газете «Южный Край» в Харькове журналист с подписью «К...ръ» из Персии отмечал:

Въ свитѣ валиата, наслѣдника персидскаго престола, прїѣхавшаго въ Тегеранъ, для участія въ засѣданіяхъ съѣзда губернаторовъ, находится въ настоящее время, лицо безъ всякаго опредѣленнаго оффиціальнаго положенія при дворѣ наслѣдника и занимающее весьма скромное мѣсто въ придворномъ антуражѣ, но тѣмъ не менѣе возбудившее опасенія англійской дипломатіи и печати, которая

на столбцахъ „Times'a” и „Standard'a” неоднократно била по поводу него тревогу, указывая на него, какъ на настоящую и будущую угрозу и опасность англійскому влиянію въ Персіи и какъ на проводника русскихъ интересовъ и политики русскаго Министерства Иностранныхъ дѣлъ. Это лицо, личный драгоманъ валиата и его учитель русскаго языка русскій подданный С.М. Шапшаль (К...т, 1904).

При дальнейшем обострении положения в Персии эта кампания клеветы нарастала. Дошло до того, что все российское влияние на Мохаммеда Али приписывали С.М. Шапшалу, хотя оно не могло быть таким значительным. С.М. Шапшал в 1901 году встретился с Мохаммед Али, который был старше по возрасту, и с 1896 года был наследником престола и правителем Иранского Азербайджана со столицей в Тебризе и своим двором наследника с придворными и чиновниками. Были уже несколько французских учителей, а С.М. Шапшал был всего лишь очередным учителем-иностранцем и в 1904 году оставался учителем и переводчиком. Эта ситуация начала резко меняться с переездом в Тегеран, в особенности после неудавшегося покушения на шаха в 1908 году. Российское влияние в Персии было многообразно: от денежных займов шахскому правительству, строительства дорог, торговли, функционирования русскаго Учетно-ссуднаго банка до Персидской казачьей бригады под командованием русских офицеров, были русские линии телеграфа и т.д. Так что влияние российского представительства и его главы Н.Г. Гартвига было намного больше, чем С.М. Шапшала.

«В промежутке между попыткой государственнаго переворота и разрушением здания меджлиса в июне, — докладывало о Гартвиге британское дипломатическое представительство, — его мысли и усилия были направлены не на попытки достичь примирения между сувереном и ассамблеей, а только на усиление сил, от которых зависит трон его величества» [...] Ляхов и Гартвиг советовали шаху отменить конституцію, распустить меджлис и, избегая давления европейских держав, вернуться к прежней абсолютной форме правления (Kazem-Zade, 2004, с. 245).

Так что обвинения без доказательств С.М. Шапшала в участии в разгоне Меджлиса — являются измышлениями. Кроме того, сам Меджлис провоцировал шаха на решительные меры по защите своего положения, выставляя требования, противоречащие принятой конституции и, при отказе их выполнения, грозя свержением шаха.

Между тем разгоряченные собственными зажигательными речами члены многочисленных энджуменов на заседаниях и в мечети Сепасалар призывали к низложению шаха. [...] Энджумены же явно недооценивали решимость шаха прекратить их своеволие и переоценивали свои силы и возможности. Одной из причин этого была поддержка со стороны Зелль ос-Солтана, другой — поощрение антишахских сил со стороны англичан (Arabadžân, 2018, с. 95–96).

Приведем еще информацию о самом разгоне Меджлиса:

Для прояснения сложившейся ситуации приведем текст телеграммы руководителя Учетно-ссудного банка в Тегеране А.И. Остроградского, направленной на имя директора канцелярии Министра финансов 23 июня 1908 г. Этот документ ценен тем, что подготовлен и отправлен во время боев, когда исход схватки еще не был ясен (по крайней мере, его автору): «Сейчас идет бомбардировка площади и здания Меджлиса. Первая перестрелка началась приблизительно в 7:15 утра. [...] В течение недели шли переговоры между шахом и партией в надежде найти миролюбивый выход. Шах ежедневно требовал, чтобы толпа разошлась, угрожал пустить в ход войска, но увещевания не действовали, и сегодня утром разъезд казаков, проехавших мимо Меджлиса, был обстрелян энджуменами с потерей, по слухам, 9 человек. Казаки не отвечали, вернулись в бригаду, и тогда через час была двинута бригада, которая была встречена насмешками в убеждении, что солдаты-мусульмане не будут стрелять против своих. Затем были даны холостые залпы и 2 холостых выстрела из пушек, на которые революционеры отвечали залпами. По слухам, у казаков много потерь. После этого началась

настоящая бомбардировка; пока сделано до 100 пушечных выстрелов. Бомбардировка длится уже три часа. Командует полковник Ляхов. Началось мародерство. Сопrotивление упорное» [АВПРИ, фонд 144, 1908, опись 488, ед. хр. 3818, л. 131].

Следует отметить, что даже сторонники революции косвенно признают, что

инициаторами вооруженных действий были именно федаи. Об этом свидетельствуют воспоминания активного участника событий радикального депутата Меджлиса первого созыва Сеида Хасана Тагизаде: «С моего двора была видна крыша мечети Сепасалар. Там был Мирза Джахангир-хан (редактор революционной газеты Суре Эсрафил — З.А.). Он крикнул: “Не беспокойся, было всего лишь несколько казаков. Мы их выбили”» [Зендегие Туфани, 1368, с. 75] (Arabadžân, 2018, с. 97).

Как видим, даже кровопролитие спровоцировали революционеры. А о дальнейшем кровопролитии можно определить по действиям англичан во время разгона Меджлиса:

В те дни английская миссия превратилась в прибежище для многих революционеров, заговорщиков, радикально настроенных депутатов Меджлиса.” [...] Это было вызвано тем, что англичане активно поддерживали и вдохновляли антишахские силы и покровительствовали им. Английская миссия переправила за границу целый ряд иранских деятелей, которых собиралась использовать в будущем. (Arabadžân, 2018, с. 98).

Укрывали революционеров, чтобы использовать, когда при помощи реформ будут пытаться успокаивать население.

Однако проведение любого рода реформ в Иране не соответствовало интересам Великобритании, взявшей курс на свержение Мохаммеда Али-Шаха (Arabadžân, 2018, с. 101).

Так что за пролитой кровью в Персии стоит политика Англии, превращавшая Персию в свою колонию. Недаром:

Образ циничной нации, безразличной к страданиям остального человечества, покупающей и продающей целые народы, торгующей опиумом, намеренно заставляющей голодать миллионы своих колониальных подданных и втайне управляющей судьбами мира — этот образ переживет крушение британского могущества [...] (Kazem-Zade, 2004, с. 237).

Английская клевета на С.М. Шапшала была подхвачена газетчиками России, что даже часть караимов поверила этой клевете. В журнале *Караимская жизнь* была напечатана статья «Протест против кандидатуры С.М. Шапшала» (1911), с обвинениями против С.М. Шапшала, которую особенно часто цитируют любители клеветы на С.М. Шапшала. Но в статье цитируются другие газетные статьи, в которых нет изложения фактов, а только голословные обвинения, в особенности любят красочную фразу: «Кровь реками, морями лилась по злосчастной стране “царя-царей” и многие-многое потоки ея лежат на совести» С.М. Шапшала, хотя уже в начале июля 1908 г. С.М. Шапшал был в России.

Для обвинений используют еще «Записки воспитателя персидского шаха. 1907–1914 гг.» К.Н. Смирнова и письма к К.Н. Смирнову от В.Ф. Минорского, опубликованные Н. Тер-Огановым, где фигурирует С.М. Шапшал. Отзывы о С.М. Шапшале пытаются представить «объективными», хотя это и не получается. По поводу пропитанных ненавистью и завистью к С.М. Шапшалу отзывов — скромно отмечает Н. Тер-Оганов, что «В.Ф. Минорскому не очень импонировала личность С.М. Шапшала» (Ter-Oganov, 2004), но аккуратно печатает их, замечая, что «в слишком критической оценке В.Ф. Минорского должны быть скрыты, скорее всего, сугубо личные мотивы» (Ter-Oganov, 2004). Но Н. Тер-Оганов не подумал, что такие письма могут направляться только единомышленнику. К.Н. Смирнов, являясь кадровым разведчиком, предпочел грязную работу по оскорблениям и обвинениям С.М. Шапшала, сохраняя письма, предоставить выкресту, племяннику

раввина, а самому постараться остаться в стороне, но не удержался от очернения. Вот несколько фраз о С.М. Шапшале, приводимых Н. Тер-Огановым из «Записок [...]»:

У него была манера действовать через женщин, и нечувствительные к пошлости женщины легко поддавались его влиянию» — это в мусульманской стране с гаремами; «Шапшал стал проявлять непомерную грубость, перебрался со всей свитой [...]»; «услужливый генерал-адъютант Шапшал дал несколько раз министру по шее (Тер-Оганов, 2004)

но даже К.Н. Смирнов вынужден заметить: «Шапшал вел себя довольно бесстрашно все смутное время» (Тер-Оганов, 2004). Только как совместить храбрость и услужливость, действие через женщин с грубостью, К.Н. Смирнов не подумал. А Тер-Оганов на основе «Записок [...]» отмечает:

по каждому вопросу имел свою точку зрения [...] Шапшал брал на себя смелость давать замечание даже самому Мохаммад Али-шаху. (Тер-Оганов, 2004).

Как видим характеристики явно противоречат между собой. Но еще более удивительна информация:

Окончив университет по восточному факультету, он не смог устроиться в Министерстве Иностранных дел и отправился на свой страх в Тавриз, где устроился учителем русского языка Мохаммад Али-шаха, бывшего тогда Валиахдом. [...]

О дальнейшей судьбе Шапшала, в общем, известно следующее: поссорившись с шахом и его придворными, он вернулся в Крым, где одно время служил хахамом караимов. Затем он стал работать переводчиком в министерстве иностранных дел и преподавателем на восточном факультете. В последствии он женился на караимке, после чего, по словам К.Н. Смирнова, совершенно пропал из виду (Тер-Оганов, 2004).

Поразительно, как это заместитель начальника Отдела разведки при Штабе Кавказского военного округа, отправляясь в Тегеран, не знал анкетных данных «всесильного» С.М. Шапшала? Вот данные двух архивных справок: от Ленинградского Государственного им. Ленина университета, что

Гр-н ШАПШАЛ, Серай Мордхеевич, рождения 1873 года, в 1899 году по окончании б.Петербургского Университета был оставлен при Университете для подготовки к профессорской деятельности. С сентября 1909 по 1918 год С.М. Шапшал состоял на службе в названном Университете на должности лектора турецкого языка по Восточному факультету⁸;

из Архивного управления мид СССР, что С.М. Шапшал работал в «б. Министерстве иностранных дел России в 1901–1917 г.г.»⁹, а гахамом был выбран пожизненно в 1915 году и, как глава каримов, был все время на виду. Поразительная неосведомленность профессионального разведчика. Есть и обоснование необъективности: К.Н. Смирнов в Тегеране с 1907 г. исполнял обязанности воспитателя Солтан Ахмад-мирзы, следующего наследника персидского престола, т.е. был подотчётен руководителю «по воспитанию принцев крови» С.М. Шапшалу¹⁰. К.Н. Смирнову — кадровому разведчику, капитану, бывшему заместителю начальника Отдела разведки при Штабе Кавказского военного округа (Тер-Оганов, 2004) приходилось подчиняться какому-то младшему унтер-офицеру, штатскому «высочке»! Так что К.Н. Смирнов явно необъективен.

Но даже из этих воспоминаний можно получить некоторую информацию:

---

8 Архивная справка Ленинградского Государственного ордена Ленина университета от 07.05.1947, БЛАН Ф. 143 д. 34, л. 2.

9 Справка из архивного отдела Министерства Иностранных Дел СССР № 720 от 02.10.1953, БЛАН Ф. 143 д. 29, л. 36.

10 Черновик автобиографии С.М. Шапшала, БЛАН Ф. 143 д. 938, л. 3, 6.

видна смелость С.М. Шапшала — «[...] он старался удержать за собой исключительное положение посредника между Шахом и Миссией. Наружно он был генерал-адъютантом Шаха», «Шапшал брал на себя смелость давать замечание даже самому Мохаммад Али-шаху», «По мнению К.Н. Смирнова, уволив Шапшала — человека, чьи интересы полностью были связаны с его интересами, Мохаммад Али-шах допустил большую ошибку. «А, с Россией, — как утверждает автор «Записок», — он был очень слабо связан — только подданством, но не служебным долгом, как мы все прочие, бывшие на службе в Персии» (Ter-Oganov, 2004).

Последняя фраза К.Н. Смирнова великолепно иллюстрирует различное понимание служения России разведчика К.Н. Смирнова, воспринимающего Персию, как потенциального врага, усиление которого нежелательно, и ученого-востоковеда С.М. Шапшала, воспринимающего Персию как дружественную страну и честное служение на благо Персии и укреплению связей между Россией и Персией является служением России. И он честно служил шаху, который олицетворял законную власть Персии, пытался что-то изменить к лучшему и ушел со службы, видя, что ни на что уже повлиять не может.

4. По поводу публикации М. Кизилова

Отдельно нужно отметить публикации, которые на протяжении многих лет публикует М. Кизиллов, порочащие С.М. Шапшала. Для иллюстрации качества его публикаций взята часть из его книги на английском языке *The Sons of Scripture: The Karaites in Poland and Lithuania in the Twentieth Century* 2015 г., а именно маленькая часть из раздела, посвященного С.М. Шапшалу, связанная Персией.

М. Кизиллов (Kizilov, 2015, с. 220) утверждает, что, покинув в 1909 году Персию, Мохаммед Али стал последним кавказским правителем Персии, хотя власть была передана сыну Мохаммед Али — Султану Ахмаду (33 шах Персии из рода Коджар правил с 16 июля 1909 по 31 октября 1925).

М. Кизиллов (Kizilov, 2015, с. 220) повторяет рассуждения Д. Шапира (Shapira, 2005, с. 354) по поводу «Seraia Khan Chapchal», переделывая

в «Šaršal-e xûn», переводя как «кровавый Шапшал», тем самым приписывая С. Шапшалу кровь, пролитую при разгоне Меджлиса 1908 года. Но в персидских документах титул пишется «Khan», а «xûn» имеет другое написание и произношение. Термин «кровавый» в Персии не применялся ни к шаху, отдавшему приказ о разгоне Меджлиса, ни к исполнителю полковнику В. Ляхову, этого определения нет у Э. Брауна (Browne, 1910). На конвертах персидского периода С.М. Шапшал именуется «Edib Sultan»¹¹. Эпитет «кровавый» появляется только в российских публикациях, Д. Шапира не указывает источника, где это взято, так что данный факт является современным измышлением самого Д. Шапира. В пользу этого утверждения свидетельствуют другие измышления, находящиеся в его статье. В работе Д. Шапира есть утверждение (Sharira, 2005, с. 354), что С.М. Шапшал был выслан в Россию, хотя он уволился с трудом, т.к. шах не хотел его отпускать и это отмечает К.Н. Смирнов (Ter-Oganov, 2004). Далее утверждается, что студентами С.М. Шапшала были будущие тюркологи С. Малов и А. Самойлович. А. Самойлович с 1907 г. был приват-доцентом в университете, и занимался преподаванием, а С. Малов в 1909 г. окончил университет и отправился в экспедицию в Китай. Материалы дневников С. Малова опубликованы, как описание путешествия — «Среди тюрков Западного Китая. Из путешествия 1909–1911 гг. и 1913–1914 гг. — Уйгуры-мусульмане, уйгуры-буддисты и салары». Д. Шапира не удосужился ознакомиться с биографиями ученых. Д. Шапира утверждает, что, став гахамом в Крыму, С.М. Шапшал запретил изучение библейского языка (Sharira, 2005, с. 355), затем уточняет время — «1916/1917» (Sharira, 2005, с. 360) и, став главой в Польше, также повторил запрет (Sharira, 2005, с. 356). Это явная ложь, т.к. в караимских храмах практически все молитвенники были на библейском языке, а до самого закрытия в Александровском караимском духовном училище в Евпатории преподавали этот язык, и в Польше аналогично преподавали в караимских школах, даже во время Второй мировой войны, т.к. богослужения проводились по старым

---

11 Конверты писем, адресованных С.М. Шапшалу, БЛАН Ф. 143 д. 1528, л. 1, 12, 111, 127, 131, 132. 1234567890

молитвенникам. Уже в самом названии статьи заключена дезинформация — «A Jewish pan-turkist: Seraya Szapszal [...]» — на протяжении более 100 лет все антропологические исследования, а теперь и генетические экспертизы утверждают, что крымские караимы являются тюркским народом, а не семитами. Приписывать главе народа, чей народ на протяжении всей своей истории являлся малочисленным, а в 20 веке приближающемуся к исчезающему, какие-то политические амбиции, причисляя к пантюркизму — полный абсурд. У такого народа, как и у его руководства, есть только одна цель — сохранить народ, сохраняя его самобытность, культуру, историю. Все это иллюстрирует уровень доверия к статье Д. Шапира и фактам в ней сообщаемым.

М. Кизиллов за Д. Шапира использует источник «правды» о С.М. Шапшале — книгу Эдварда Брауна *The Persian Revolution of 1905–1909* (Browne, 1910) о персидских событиях, но оба автора забыли отметить, что источником информации англичанина были члены мятежного Меджлиса в борьбе против шаха и русского влияния. Было очень удобно из С.М. Шапшала сделать «злого гения шаха», приписывая ему все и сочиняя новое в политической борьбе против российского влияния и пророссийского шаха. З.А. Арабаджян отмечает: «тесное сотрудничество Брауна с Форин Офис и британскими спецслужбами» (Arabadžân, 2018, с. 99).

Далее М. Кизиллов утверждает, что «нет сомнений, что Шапшал сыграл важную роль в подавлении конституционного восстания», хотя и отмечает, что сам Браун этого не утверждает (Kizilov, 2015, с. 222).

Далее упоминаются газетные статьи против С.М. Шапшала, в особенности делается упор на публикации караимов, упоминаются и «Записки» К.Н. Смирнова. Все то, что оговаривалось ранее.

А дальше приведем еще несколько примеров дезинформации: М. Кизиллов пишет по поводу звания генерал-адъютант Шапшала «Шапшал никогда не достигал генеральского или даже офицерского звания» (Kizilov, 2015, с. 221), но это звание С.М. Шапшал заслужил в Персии и это подтверждается фотографиями в персидской форме и К.Н. Смирновым в ранее цитированных «Записках [...]» (Ter-Oganov,

2004). По документу от 16.12.1916¹² С.М. Шапшал по службе в МИД имел 6 класс, что по табелю о рангах царской России соответствовало званию полковника, а по документу 10.10/27.09 1918¹³ С.М. Шапшал — статский советник — 5 класс, что соответствует чину бригадира.

Кизилов указывает, что С.М. Шапшал «состоял на службе в царском министерстве внутренних дел в период с 1901 года» (Kizilov, 2015, с. 221) и в примечании «1077 *The Archival directorate of the Ministry of Inner Affairs of the USSR of 2.10.1953 to S. Szapszal* (БЛАН, Ф. 143, д. 29, л. 36)» (Kizilov, 2015, с. 222) — аналогично. В обоих случаях ссылается на ранее цитированную справку, хотя эта справка МИД СССР, что С.М. Шапшал работал в «б. Министерстве иностранных дел России в 1901–1917 г.г.»¹⁴.

Далее «активно участвовал в государственном перевороте (БЛАН Ф. 143, д. 932; БЛАН Ф. 143 д. 1608, л. 1–2, 4–6; ср. там же, д. 833а, л. 83–86; ср. там же, д. 929а–943а)» (Kizilov, 2015, с. 221). В деле 932¹⁵ — большая часть документов до 1908 года, в деле 1608¹⁶ зашифрованные записи не расшифрованы и сделать вывод о связи с переворотом нельзя, то какое отношение к этому выводу имеет студенческая работа С.М. Шапшала 1895 года — д. 833а¹⁷, а в д. 930–931¹⁸ — тетради русских уроков наследника шаха, в д. 935–941¹⁹ — документы турецкого периода (1919–1928), д. 943²⁰ — «Курс

12 Удостоверение Морского генерального штаба от 11.12.1916, БЛАН Ф. 143 д. 2, л. 1.

13 Договор об аренде жилья С.М. Шапшала от 10.10.1918 г., Евпатория, БЛАН Ф. 143 д. 51, л. 1.

14 Справка из архивного отдела Министерства Иностранных Дел СССР № 720 от 02.10.1953, БЛАН Ф. 143 д. 29, л. 36.

15 Корреспонденция С.М. Шапшала в Персии 1905–08, БЛАН Ф. 143 д. 932.

16 Шифрованные телеграммы 193–195, БЛАН Ф. 143 д. 1608.

17 Студенческая работа С.М. Шапшала 1895 г., БЛАН Ф. 143 д. 833а.

18 Тетради уроков принца по русскому языку 1901–1905 гг., БЛАН Ф. 143 д. 930–931.

19 Документы работы в Турецко-персидском банке, БЛАН Ф. 143 д. 935–941.

20 Курс грамматики персидского языка, 1939, 1945, БЛАН Ф. 143 д. 943.

грамматики персидского языка, 1939, 1945», а в деле 943а²¹ вообще «Селим-Мурза. Учебник персидского языка», изданный в Вильнюсе в 1960 г.

Н. Самойлович (Kizilov, 2015, с. 223) назван учеником С.М. Шапшала, хотя он окончил университет в 1903 г., а с 1907 г. был уже приват-доцентом в этом университете и занимался преподаванием.

Интересно предположение: «по-видимому, все еще был холост во время своего избрания на должность гахама в 1915 году (Kizilov, 2015, с. 225)». Особенно с учетом того, что хранится паспорт С.М. Шапшала, выданный 18.01.1916 на основании «пас. Мин. Инос. дел от 24 июля 1914 г. за № 63», где указана «жена — Вера Исаевна род. 30.01.1871 — караимка»²².

Появляется доктор Кефели-Эгиз (Kizilov, 2015, с. 225–226), которая работала в Париже и в 1909 г. встретила в С.М. Шапшале в Персии (подразумевается жена С.М. Шапшала). Откуда взята Кефели-Эгиз, если существует официальный документ «Выдан женщине-врачу Вере Исааковне Эгиз-Крым» 6.04.1907 г.²³ и есть ее автобиография²⁴, где не указана работа в Париже и поездка в Персию. Н. Тер-Оганов на основании записей К.Н. Смирнова утверждает, что С.М. Шапшал «В последствии он женился на караимке» (Ter-Oganov, 2004), т.е. после возвращения в Россию и не упоминает знакомства С.М. Шапшала с В.С. Эгиз в Персии. В автобиографиях С.М. Шапшала и В.С. Эгиз указан 1909 г. годом бракосочетания. В Персию в 1909 г. никто из них не ездил, они оба были в Одессе в 1909 г., где пребывал свергнутый шах Мухаммед Али.

Здесь разобраны ошибки и дезинформация по фактам, связанным с пребыванием С.М. Шапшала в Персии, такая же ситуация

---

21 Селим-Мурза. Учебник персидского языка, изданный в Вильнюсе в 1960 г., БЛАН Ф. 143 д. 943а.

22 Паспорт С.М. Шапшала, выданный в 1916 г., БЛАН Ф. 143 д. 1.

23 Лист для сбора добровольных пожертвований в пользу Попечительства Императрицы Марии Александровны о слепых. Российский государственный исторический архив Ф. 764 Оп. 1 д. 527, л. 52.

24 Автобиография доктора медицины Шапшал, Веры Исааковны, БЛАН Ф. 143 д. 9а, л. 7.

и в остальных материалах и фактах, описываемых и приводимых М. Кизиловым, но это выходит за рамки данной статьи.

5. Документы, хранящиеся в фонде С.М. Шапшала

Рассмотрим документы, иллюстрирующие отношение правительства Персии (с 1935 г. — Ирана) к С.М. Шапшалу. Приведем отрывок из черновика одной из автобиографий С.М. Шапшала:

Тем временем, я поступил на службу в качестве переводчика в новооткрытый Турецко-Персидский Торгово-Пром. Банк. Не желая получать нансеновский паспорт с определенно-политической окраской белого русского эмигранта, я, по совету Иранского Генерального Консула, посещавшего этот Банк, подал ходатайство о выдаче мне иранского паспорта. Получив такой паспорт, мы с женою до конца своего нахождения в Истамбуле, были на положении иранских подданных, строго стоя в стороне от русских белых патриотов, идеологии которых мы никогда не разделяли²⁵.

Это подтверждается хранящейся справкой Турецко-Персидского Коммерческого Индустриального банка от 31.03.1928 № 16, что С.М. Шапшал там работал с 20.06.1922 по 31.03.1928²⁶.

Хранится документ Польского консула в Константинополе от 25.04.1928²⁷, что «SZAPSZAL SUREJA SHAN», имеющий персидский паспорт едет в Польшу «w charakterze chachana» общины караимов в Польше. Именно благодаря этому паспорту С.М. Шапшал имел возможность общаться с советскими тюркологами, приезжающими в Константинополь, а В.И. Эгиз лечить сотрудников советских представительств.

---

25 Автобиография директора Караимского Истор. — Этн. Музея проф. Шапшала С.М., ВЛАН Ф. 143 д. 1454, л. 8–9,

26 Справка Турецко-персидского банка 31.03.1928, ВЛАН Ф. 143 д. 935, л. 94.

27 Документ Польского посольства в Турции, Константинополь, 25.04.1928, ВЛАН Ф. 143 д. 975, л. 44.

В деле № 173²⁸ хранятся — письмо 1934 г. на бланке Имперской миссии Ирана о награждении С.М. Шапшала дипломом и памятной медалью в честь 1000-летия иранского национального поэта «Abul-Gassem Ferdowsi» (Х.А. Фирдоуси) за участие в подготовке торжеств в честь 1000-летия Фирдоуси в Варшаве по представлению N. Arastch (Н. Араста), а также бланк о награждении медалью и почетная грамота.

В деле № 942²⁹ хранятся визитка «Nadir Mirza Arasteh» (Надир-мирзы Араста), экстраординарного посла и министра правительства шаха, и приглашение к «Excellence le Nahan Seraia Khan Chapchal» на прием 9 декабря 1934 г.

В деле № 959³⁰ хранится Приглашение на торжества по 1000-летию Фирдоуси 9.12.1934 г. в Варшаве на польском.

В деле № 299 хранится частное письмо из Тегерана от А. Khachab к С.М. Шапшалу от 15.04.1922, в котором пишется:

Настоящее письмо посылаю с оказией через Советн. Персид. Посольства в Конст. Мир. Джавад-Хана. [...] К сожалению, М-за Джавад Хан, едущий через Россию, побоялся взять с собой это письмо и, поэтому, посылаю его по почте". Конверт на адрес «*Constantinople Ambassade de Perse Monsieur Mr Souraia Chapchal*», на почтовой печати «*Galata 30.05.22*»³¹.

В деле № 8 хранится удостоверение «Общества Тавризской ж.д. № 91», что С.М. Шапшал «имѣеть жетонъ на право бесплатнаго пожизненнаго проѣзда по всѣмъ линиямъ Общества»³². Удостоверение

---

28 Документы награждения С.М. Шапшала к 1000-летию Фирдоуси, Тегеран, 1934, БЛАН Ф. 143 д. 173, л. 1–4.

29 Визитка жены персидского министра Nadir Mirza Arastek, БЛАН Ф. 143 д. 942, л. 1–2.

30 Приглашение для участия в торжествах по 1000-летию Фирдоуси 1934.12.9, Варшава, 1934, БЛАН Ф. 143 д. 959, л. 1–2.

31 Письмо от Наъѣabas А., Тегеран, 1922.04.15, БЛАН Ф. 143 д. 299, л. 1–3.

32 Удостоверение Общества Тавризской ж. д., выданное С.М. Шапшалу, БЛАН Ф. 143 д. 8, л. 1–2.

без дат. Общество Тавризской железной дороги было создано в 1913 году и существуют именные жетоны 1915 г.

Как свидетельствуют документы, правительство Персии не обвиняло С.М. Шапшала, а наоборот, предоставило ему свое гражданство, работу в своем банке, для связи позволяло использовать свое представительство в Константинополе и награждало за пропаганду искусства и культуры Персии. Причем это отношение не изменялось не только при сменах правительств, которые там часто происходили, но и при смене правящей династии. Так что публикации обвинений против С.М. Шапшала за деятельность его в Персии являются публикациями, распространяющими клевету на С.М. Шапшала.

Библиография

Источники

Документы фонда С.М. Шапшала, Библиотека Академии наук Литвы им. Врублевских — Ф. 143.

Литература

- Arabadžân, Z. (2018). Razgon Medžlisa Mohammedom Ali-Šahom v 1908 g. i anglo-russkoe soperničestvo v Irane. *Vestnik Instituta vostokovedeniâ RAN*. (4), 94–102.
- Browne, E.G. (1910). *The Persian revolution of 1905–1909*. Cambridge.
- Ivanov, M. (1957). *Iranskaâ revolúciâ 1905–1911 godov*. Moskva.
- K...r. (22 aprilâ 1904). *Pis'ma iz Tegerana: Ot našego korrespondenta*. Ūžnyj Kraj. Har'kov.
- Kazem-Zade, F. (2004). *Bor'ba za vliânie v Persii: Diplomatičeskoe protivostoânie Rossii i Anglii*. Moskva.
- Kizilov, M. (2015). *The sons of scripture: The Karaites in Poland and Lithuania in the twentieth century*. Warsaw [u.a.]: De Gruyter Open. <https://doi.org/10.1515/9783110425260>
- Mamedova, Z. (2022). *Na puti k revolúcii: Poâvlenie iranskih političeskih partij v Baku (nač. xx v.). Po knige avtora «Problema ūžnyh azerbajdžancev v sovet-skom Azerbajdžane v 20h-30h gg. xx veka»*. Baku 2018. <https://azerhistory.com/?p=33693>.

- Protest protiv kandidatury S.M. Šapšala: [Na rol' gahama]. (1911). *Karaimskaâ žizn'*. (7 (dekabr)), 17–118.
- Samsonov, A. (2013). *Angliâ protiv Rossii. Bor'ba za Persiû*. <https://topwar.ru/37322-angliya-protiv-rossii-borba-za-persiyu.html>.
- Shapira, D. (2005). A Jewish Pan-Turkist: Seraya Szapszal (Sapsaloglu) and his Work 'Qırım Qaray Türkleri' (1928). *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae*, 58 (4), 349–380. <https://doi.org/10.1556/AOrient.58.2005.4.3>
- Ter-Oganov, N. (2004). *Neizvestnyj arhivnyj material o Sergee Markoviče Šapšale (Adib-Soltan)*. http://shorashim.narod.ru/case_ter_oganov.htm.